

Оливер ШЮТТ

д. философии (Ph. D.)

Центральный Европейский университет, г. Будапешт, Венгрия

E-mail: schuetto@ceu.hu

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ «СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ГЛУБИНА» В КАЧЕСТВЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПО-ПРЕЖНЕМУ АКТУАЛЬНОЙ ДЛЯ ТУРЦИИ?

От членства в НАТО к евразийскому центральному региону

В 1990-е гг. многочисленные события радикальным образом изменили геополитическую карту Евразии. К первой категории относились Советский Союз, Югославия и Чехословакия. Ко второй категории причисляются Германия и Турция. Один из тезисов для оценки современных международных отношений гласит: подъем и распад государств взаимообусловлены¹. Президент Турции Абдулла Гюль по случаю своего визита в Германию в сентябре 2011 г., почти два десятилетия спустя, высказал мнение: «Если мы сегодня посмотрим на Европу, мы увидим, что существует только две преуспевающие страны: Германия и Турция»². Этот тезис об обоих преуспевающих государствах в Европе или Евразии поддерживают многочисленные основные действующие лица политики. Но возникает вопрос: совпадают ли геополитические оценки с реальностью? В случае Турции географические реалии, разумеется, впечатляют: «На географическом, этническом и политическом уровне Турция связана с проблемами Ирака, Ирана, Армении, Азербайджана, Кипра, Греции, Болгарии, России, Таджикистана, Сирии и исламского фундаментализма. Что еще не хватает туркам, так это граница с Чечней»³. И в 1998 г. Белая книга турецкого министерства обороны описывала геополитическое положение страны следующим образом: «Surrounded by three seas and linking Europe and Asia, Turkey has a very special geostrategic location. Given its location, Turkey simultaneously belongs to many regions. It is a European, Balkan, Middle Eastern, Mediterranean, and Black Sea country. Turkey is not only a member of the western world but also a member of the Islamic world. It takes its roots from Central Asia. In short, Turkey is a Euro-Asian nation»⁴. Для турецкой элиты эти описания положения стали направляющей линией их действий и с момента окончания восточно-западного конфликта представляли собой постоянный вызов турецкой политике, начиная от Озала и заканчивая Эрдоганом.

Представление Озала о XXI в.

Тургут Озал с 1983 по 1989 г. был премьер-министром и с 1989 по 1993 г. — президентом Турции. Озал прогнозировал, что XXI в. будет «веком Турции», сферы влия-

¹ См.: Sun A. Die strategische Bedeutung der Türkei nach dem Kalten Krieg für die europäische Sicherheit. Universität Wien, 2008 = Стратегическое значение Турции после холодной войны для европейской безопасности.

² SZ. 2011. № 214. S. 8.

³ Steinbach U. Die Türkei im 20. Jahrhundert. Bergisch Gladbach, 1996. S. 80 = Турция в XX в.

⁴ Цит. по: Jane's Defence Weekly (JDW). 1998. 19 Aug. S. 24.

ния которой будут простирались от Адриатического моря до Центральной Азии. Представление Тургута Озала о будущем Турции основывалось на следующих ключевых моментах¹:

- исламско-неоосманская направляющая линия;
- сотрудничество всех тюркских народов под руководством Турции;
- преобразование и модернизация экономики: мир посредством торговли, ориентация на «азиатских тигров»;
- мост между Востоком и Западом (функция посредника);
- решение вопроса Кипра и курдов;
- амбиции великой державы.

Политическая программа Озала должна была усилить осознание власти Турции в международной политике и совпадала с ожиданиями и интересами многих западных государств, прежде всего США, которые после распада Советского Союза ожидали от Турции занятия позиции региональной ведущей державы на Ближнем Востоке и в Центральной Азии².

Исследование Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина»

В 2001 г. политолог Ахмет Давутоглу представил свое основополагающее произведение «Стратегическая глубина»³. В период с 2002 по 2009 г. он был советником премьер-министра Турции по внешнеполитическим вопросам, который назначил его в мае 2009 г. министром иностранных дел Турции. С этого времени снова и снова обращаются к его геополитическому произведению как к руководству для того, чтобы понять современную турецкую внешнюю политику и политику безопасности. Девиз разработанной Давутоглу концепции звучит так — «ноль проблем» и «максимальное сотрудничество с нашими соседями» — посредством чего была бы откорректирована традиционная направленность внешней политики Турции на Запад и дополнена региональным измерением⁴. Замечательный анализ концепции «Стратегическая глубина» принадлежит политологу Гулистан Гурбей. Для нее в оценке «Стратегической глубины» относительно Турции особо важными становятся два компонента: «Во-первых, устанавливается тесная связь между географией, историей, идентичностью и реальной политикой. Поскольку Давутоглу строит свою внешнюю политику на основе нового географического восприятия, которое связано с историческим османским прошлым <...> Во-вторых, проводится тесная связь между внутривнутриполитическим преобразованием и внешней политикой»⁵. Концепция «Стратегическая глубина» основывается, согласно Гурбей, на пяти принципах⁶:

¹ Turgut Özal and Turkish Foreign Policy: Style and Vision. Foreign Policy. Hrsg. Turkish Foreign Policy Institute, Ankara, 1996. № 3/4. S. 69–102.

² *Yılmaz B.* Regionalmacht Türkei. Internationale Politik. 1995. № 5. S. 37–42 = Региональная держава Турция. Международная политика.

³ Für Vertiefung, siehe = Более подробно см.: *Walker J.* Learning Strategic Depth: Implications of Turkey's new foreign policy doctrine. Insight Turkey. 2007. Vol. 9, № 3. S. 32–47.

⁴ *Bacia H.* Null Probleme // FAZ. 2009. № 119. S. 10 = Ноль проблем.

⁵ *Gürbey G.* Wandel in der türkischen Außenpolitik unter der AKP Regierung, Südosteuropa Mitteilungen. 2010. № 2. S. 21–22 = Изменение во внешней политике Турции во время правления партии справедливости и развития (АКР).

⁶ Ibid.

1. Принцип обширного старта внешней политики, который на основании множественных региональных идентичностей учитывает многогранные внешнеполитические вопросы Турции, не оставляет без внимания соответствующие регионы и не связывает себя окончательно с единственным приоритетом.

2. Проактивные и многомерные внешнеполитические линии должны поддерживаться проактивной дипломатией. Самый главный принцип — это так называемая политика «ноль проблем» и «политика максимальной интеграции» по отношению ко всем соседним государствам.

3. Способность постоянно выдвигать политические инициативы, чтобы оказывать влияние на развитие в региональном окружении.

4. «Политика равноудаленности», которая принимает во внимание всех важных действующих лиц политической сцены, поддерживает равноудаленность ко всем действующим лицам и избегает однопартийности посредством умеренной и осторожной дипломатии Турции.

5. Понимание внешней политики, которое подразумевает рассмотрение гражданского общества и экономики как части внешней политики, мобилизует их поддержку и делает их участниками процесса построения внешней политики.

В общих чертах концепция «Стратегической глубины» гласит, «что Турция является не периферийным государством Европы, Ближнего Востока или Центральной Азии, а ключевым государством, которое, следуя национальным интересам и используя многомерные внешние связи и географическое положение, может стать влиятельной региональной державой, поддерживающей мир»¹.

Новая стратегия Турции заключается, таким образом, в переоценке фактов и прогнозов. Проведение политики «Стратегической глубины» должно, исходя из географического положения Турции, затрагивать все соседние территории, а также оказывать воздействие на глобальном уровне. Но является ли эта политика в качестве внешнеполитической концепции по-прежнему актуальной вследствие стремительного перераспределения сил и конфликтных полей в Ближневосточном регионе и Северной Африке? Ведь многочисленные районы и действующие лица регионально включают в себя и оказывают влияние на геополитический радиус действий и с этим на многомерность турецкой внешней политики и политики безопасности.

Турция в качестве геополитической узловой точки приобретает все большее значение в энергетической сфере

Политика «стратегической глубины» оказалась наиболее успешной в секторе экономики, чем в других областях. В особенности в энергетическом секторе правительство ловко пускает в ход геополитическое положение Турции. Ян Сенкир в своем исследовании «Турция» метко формулирует: «В соответствии с новой доктриной многомерной внешней политики правительство преследует цель сделать Турцию энергетическим «транспортным мостом» между Европой, Ближним и Средним Востоком и Центральной Азией»². При взгляде на карту страны становится понятным особое геополитическое положение Турции и то, почему оно так важно для снабжения энер-

¹ Öztürk A. Die geostrategische Rolle der Türkei in Vorderasien, Aus Politik und Zeitgeschichte. 2006. № 4. S. 26 = Геостратегическая роль Турции в Передней Азии. Из политики и истории Нового времени.

² Senkyr J. Türkei sammelt Trümpfe im Energiepoker, Länderbericht der Konrad-Adenauer-Stiftung. 2009. 31 Jan. = Турция собирает козыри в энергетическом покере.

гией Запада. Турция находится в середине «энергетического эллипса», в котором залегает большая часть мировых резервов газа и нефти. Трассы от самых важных стран-добытчиков до стран-потребителей во всяком случае проходят через Турцию, если нужно обойти Россию и Иран. По причине своего геополитического положения Турция задействована в настоящее время почти во всех трубопроводных проектах, будь то американских, европейских или русских¹.

«Водная политика» как стратегический ресурс

Но это не только узловой пункт в газовом и нефтяном секторе. Регион Евфрата и Тигра стал центром турецкой «водной политики». Турецкий плотинный проект Великий Анатолийский проект (Great Anatolian Project (GAP)) на Евфрате и Тигре является одним из самых больших в мире гидротехническим строительным объектом. С его помощью должно быть создано современное аграрное производство, должен использоваться потенциал гидроэнергии и должно производиться индустриальное освоение южно-восточной Анатолии². Турция контролирует почти все воды Евфрата, свыше половины вод Тигра и с этим жизненные артерии Ирака и Сирии. Различные интересы государств на Евфрате и Тигре обусловлены не только водно-хозяйственными или техническими, но и историческими и политическими причинами. Курдский вопрос — классический пример того, как стратегические интересы накладываются на водный конфликт³. Как государство, находящееся в верховье рек, Турция имеет стратегический контроль над Евфратом и Тигром. Это геополитическое превосходство во власти позволило бы даже использовать воду в случае возникновения конфликта как «экологическое оружие». К тому же Турция — еще единственная страна на Ближнем Востоке, которая имеет избыточный запас воды. Еще Озалам часто обещавшаяся «новая величина» Турции имела и имеет своей целью, в том числе использование собственных ресурсов. К ним относится «вода». Поэтому неудивительно, если водная политика Озала будет последовательно продолжаться его преемниками, чтобы возвести Турцию до статуса бесспорной региональной державы. Правда, эта стратегическая цель зависит от одного важного условия: усиленной готовности к сотрудничеству с Сирией и Ираком и решения курдского вопроса. Но до этого турецкому правительству еще далеко.

Спорные вопросы в турецко-греческих отношениях

Многовековой спор между Грецией и Турцией ознаменован многими конфликтами. После Первой мировой войны состоялся так называемый «обмен населением», последствия которого до сих пор накладывают отпечаток на отношения. Одна из причин, почему оба государства в 1952 г. стали членами НАТО, заключается также, несомненно, в снижении степени напряжения в их отношениях. С тех пор в плане отношений между этими государствами речь шла в основном о следующих спорных вопросах:

- разграничение континентального шельфа;
- суверенитет над отдельными мелкими островами;
- расширение территориальных вод;
- разделение экономических зон в Эгейском море;

¹ *Thumann M.* Die neue Mitte. Die Türkei wird zum strategischen Knotenpunkt für Energielieferungen nach ganz Europa // *Die Zeit*. 2009. № 38. S. 29 = Новая середина. Турция становится стратегической узловой точкой для поставок энергии во всю Европу.

² *Brill H.* Die Türkei auf dem Weg zu einer „Wassergroßmacht“ // *ÖMZ*. 2006. № 5. S. 547–554 = Турция на пути к «Водной державе».

³ *Ibid.*

— статус Восточно-Эгейских островов;

— «Кипрский вопрос».

В то время как спор о ремилитаризации греческих островов затух, спор о континентальном шлейфе (из-за сырья) и проблема Кипра (из-за его геоэкономического значения) являются ключевыми моментами конфликта. Для решения «Кипрского вопроса» выдвигаются на обсуждение три опции:

1. Воссоединение обоих островных государств.

2. Решение с сохранением двух государств.

3. Присоединение или аннексия «Турецкой республики Северный Кипр» к Турции.

Третье решение Турция снова и снова пускает в ход. В продолжающемся с 1974 г. конфликте и из-за новых месторождений газа вблизи Кипра между действующими лицами вырисовывается тенденция «Ноль толерантности» вместо «Нуля проблем». Хотя премьер Эрдоган в октябре 2009 г. сообщил, что основной принцип внешней политики «Ноль проблем с соседями»¹ должен распространяться и на отношения с Грецией, в спорных вопросах все же до сих пор нет конкретного сближения.

Турция и Балканский регион

Турция была против распада Югославии (и во время конфликта в Ираке также за сохранение иракского государства). Были опасения по поводу дестабилизирующего влияния на этнические и националистские движения в Турции. Несмотря на это, относительно рано были очерчены четкие контуры балканской политики Турции. Президент государства Тургут Озал сказал в декабре 1991 г.: «Нынешняя историческая конъюнктура дает Турции шанс посредством активизации мусульманских меньшинств в Албании, Югославии, Болгарии и Греции повернуть процесс упадка, который начался перед стенами Вены»². Для этого она получила финансовую помощь от Саудовской Аравии и других государств исламского мира. В исследованиях, посвященных политике безопасности, говорят об «исламском измерении» Балканских войн³. Когда сегодня премьер Эрдоган высказывает свое мнение о Балканах, в его речах редко отсутствует «ссылка на османскую эпоху как «золотой век» региона»⁴. Как это прошлое видит турецкая политическая элита, описал министр иностранных дел Давутоглу в конце 2009 г. в своей речи под названием «Османское наследие и мусульманские общины Балкан». В своей речи он указывал на то, «что в Сараево церкви веками существуют наряду с мечетями и синагогами, что является подтверждением благосклонности османской власти. <...> Османские столетия были для Балкан «историями успеха» — которые, впрочем, повторились»⁵. Это вполне может произойти применительно к европейскому процессу единения. Политика расширения ЕС по отношению к балканским государствам берет обратное направление, так как большинство стран ЕС проводят политику

¹ Höhler G. Türkischer Premier Erdogan geht auf den „Erbfeind“ zu // General-Anzeiger. 2009. № 259. S. 8 = Турецкий премьер Эрдоган на пути к «заклятому врагу».

² Zitiert nach Rainer Mennel. Der Balkan. Osnabrück, 1999. S. 196 = Цит. по: Меннель Р. Балканы.

³ Siehe z. B.: Tibi B. Die islamische Dimension des Balkan-Krieges // Europa-Archiv. 1993. № 22. S. 635–644 = См., напр.: Исламское измерение Балканской войны.

⁴ Zitiert nach Michael Martens. Die Türkei und der Balkan // FAZ. 2012. № 9. S. 8 = Цит. по: Мартенс М. Турция и Балканы.

⁵ Ibid.

«консолидации» перед «расширением» ЕС. После Словении Хорватия стала 1 июля 2013 г. 28-й страной-членом ЕС, а в настоящее время нет конкретных планов по дальнейшему принятию стран в состав ЕС. Отсутствие перспективы быть принятым в ЕС другие державы, в особенности Турция, могли бы использовать в стратегическом собственном интересе¹. В настоящее время говорят о «восточной идее». Поскольку ее собственные усилия по вступлению в ЕС переживают застой, движущей силой этой идеи называют Турцию, которая могла бы стремиться к тому, чтобы создать с мусульманскими государствами Балкан (Босния, Албания, Косово, Македония) новую османскую интеграционную зону. Это видение не является необоснованным и может быть даже аргументировано тем, что Турция смогла расширить в регионе свою сферу влияния. Это проявляет себя прежде всего в Косово, где множество проектов по развитию инфраструктуры поддерживает турецкое правительство, а также турецкие предприятия.

Ближневосточная политика Турции

После Второй мировой войны ближневосточная политика Турции определялась в основном политикой сдерживания США, для которой было характерно незначительное участие в политике арабских государств. Только в начале 1970-х гг. правительством Турции были разработаны так называемые «политические направляющие линии», по которым должны были выстраиваться внешнеполитические отношения Турции с арабскими государствами. Ключевыми моментами этих направляющих линий были: никакого вмешательства во внутренние дела других государств; защита современных границ в регионе; политическая поддержка арабов в их конфликте с Израилем, но в то же время дипломатические отношения с Израилем; нейтралитет по отношению к внутриарабским конфликтам; развитие торговых и экономических отношений с арабскими странами². Сегодня Турция относится в арабско-исламском регионе к центральным действующим лицам. К тому же в арабском мире многие ее принимают за образец по проведению реформ, так как она объединяет ислам и новшества. Для новой ближневосточной политики Турции встает ряд вопросов, среди них:

— Вернется ли Турция к своим исламским корням?

— Что стоит с точки зрения внутренней политики за турецкой активностью в регионе?

— Какие последствия имеет новая турецкая политика для политического соотношения сил в регионе?³

Чтобы ответить на эти вопросы, будет интересна речь, которую Эрдоган произнес в январе 2011 г. и в которой он приводил доводы в пользу создания нового альянса между турками и арабами с целью решения проблем, начиная с Газы до Ирака. Эрдоган сказал: «Сегодня имеет место дать новое дыхание старому «1000-летнему братству» и стать политическим, экономическим и культурным союзом. Мы принадлежим одной и той же цивилизации. У нас общая история. Если мы будем держаться вместе и более уси-

¹ Siehe z. B. = См., напр.: *Mustafa Aydın and Sinem A. Acikmese*. Europeanisation through EU conditionality: understanding the new era in Turkish foreign policy // *Journal of Southern Europe and the Balkans*. 2007. Vol. 9, № 3. S. 263–274; *Özcan M.* Harmonising Foreign Policy: Turkey, the EU and the Middle East. Adlershot, Ashgate Press, 2008.

² *Mehmet Ata Bakis*. Türkische Nahostpolitik seit dem Zweiten Weltkrieg. Ein Beitrag zur türkischen Außenpolitik (1945–1991). Frankfurt a. M., 1993. S. 164–167 = Ближневосточная политика Турции со времен Второй мировой войны. О внешней политике Турции (1945–1991).

³ *Abdel Mottaleb El Hussein*. Aufbruch des starken Mannes am Bosphorus // *Handelsblatt*. 2010. № 15. S. 8–9 = Пробуждение сильного мужчины на Босфоре.

ленно сотрудничать, тогда у этого региона есть потенциал создать модель всего мира»¹. Наряду с этими представлениями Эрдоган упомянул также и ЕС: «С одной стороны, мы будем продолжать вести переговоры с ЕС, с другой стороны, мы не повернемся спиной к регионам, с которыми мы столетиями разделяем общую историю <...> Мы определяем нашу собственную внешнюю политику. Мы составляем наш собственный план действий. Арабы — наши братья и сестры»². Желание создать такую модель на Ближнем Востоке министр иностранных дел Давутоглу подкрепил тем, что Турция создаст в регионе «ось демократии» с Египтом. По его словам, Турция находится «ровно в центре всего»³. Правда, Ось Анкара — Каир, как бы много о ней ни говорили в 2011 и 2012 гг., скорее всего, окажется маловероятной из-за смещения с поста Мурси летом 2013 г. и последующих за ним беспорядков и нестабильного политического положения.

Удержится ли сотрудничество США—Турция—Израиль?

Как и на глобальном уровне США требует на региональном уровне альянсов. В качестве примера можно проанализировать заключенный в 1996 г. альянс между Турцией и Израилем. Некогда относительно стабильная фаза отношений претерпела большие изменения с тех пор, как правительство Эрдогана предоставляет арабскому региону более высокий приоритет. В настоящее время его поддержка палестинцев и критика по отношению к Израилю играют при этом особую роль. В 2010 г. дело дошло до разрыва отношений, когда израильские элитные подразделения захватили турецкий корабль, который хотел пробить блокаду Газы. С тех пор отношения считаются подорванными. Так отношения Турции и Израиля из стратегического партнерства превратились в стратегическую враждебность. Как показывает новая ближневосточная политика Турции, весь регион находится на переломном этапе. Для международной политики безопасности в этом отношении интересен вопрос: Как поведут себя США вследствие изменившихся отношений их союзников? Комментарий по ответу на этот вопрос дал американский политолог Джордж Фридман, который аргументировал, что в связи с ослабевающим влиянием Америки в регионе Турция имеет большие возможности разрешить проблемы на Ближнем Востоке. При этом она может объединить жесткую власть с экономической и политической мягкой властью в то, что Фридман называет «глубокой властью» («*deep power*») ⁴. Но дальнейшее ослабление США в международной союзной политике могло бы также означать мировой порядок без руководства США.

Фокусной точкой политики «стратегической глубины» является Сирия

Сирия — центральное государство на «Среднем Востоке». С Сирией Турция имеет самую протяженную границу. К самым важным конфликтным областям относятся:

- курдский конфликт за пределами государственной границы;
- не затухающий с 1938–1939 гг. конфликт вокруг провинции Хатай;
- ресурсный конфликт из-за «воды Евфрата» (Турция находится в верховье —

Сирия в низовье реки).

¹ *Kalnoky B.* Mit Erdogan die Welt neu gestalten // *Die Welt*. 2011. 13 Jan. S. 6 = Построить мир по-новому с Эрдоганом.

² *Ibid.*

³ *Neue Achse mit Ägypten* // *Die Presse*. 2011. 20 Sept. S. 7 = Новая ось с Египтом.

⁴ *Zitiert nach Michael Martens* // *FAZ*. 2010. № 129. S. 5 = Цит. по: Мартенс М.

— Хотя во всех этих конфликтных областях не могло быть найдено решения и в период правления Эрдогана, еще в начале 2011 г. они были подчинены принципам политики «ноль проблем». Впрочем, этап «ноль проблем» был непродолжительным. Сразу после начала гражданской войны в Сирии Анкара перешла на другую сторону и поддержала сирийскую оппозицию. Официальные представители сирийской оппозиции могли с разрешения турецкого руководства перенести свой центр в Стамбул. По мнению Месута Йылмаза, который неоднократно был премьер-министром Турции, ни одно турецкое правительство до сих пор не отважилось сделать такой важный шаг. Турция осознанно берет на себя риск, который связан с такой политикой и который нельзя недооценивать. Но именно это является той позицией, которую должно занять государство с международной ответственностью. Турция способна на это и готова выполнять свое новое задание в качестве региональной державы. ЕС еще предстоит осознать изменившиеся международные реалии¹. Если Йылмаз в своей критике имел в виду недостаточное понимание государствами-членами ЕС «геополитики», то он прав. Так как ЕС «с момента начала гражданской войны сделал ставку на временное правительство из, по возможности, всех сил страны и дал повстанцам неоднократно понять, что политическую и экономическую помощь из Европы можно ожидать только в том случае, если новая Сирия будет демократической и защитит меньшинства»². Но призыв ЕС к свободе и соблюдению прав человека в сирийской гражданской войне — это только одна сторона. С другой стороны, в конфликте речь идет о трудно разрешимом региональном и глобальном переплетении интересов:

— для США важна прежде всего стабилизация региона;

— для России Сирия является одним из ее последних союзников в регионе;

— Иран видит опасность не только для своего «объединенного фронта» с Сирией, но и для своего выхода к Средиземному морю;

— Саудовская Аравия, большой конкурент Ирана на Ближнем Востоке, пытается с помощью изменения режима в Дамаске ослабить Иран;

— конфликт в Сирии оказывает, кроме того, влияние также на курдский вопрос. На севере Сирии с частичного разрешения правительства Асада возникли регионы, которые контролируются курдами. Возможное стремление к автономии снова активизирует Турцию.

Сама Турция, которая по отношению к соседней стране Сирии поддерживала политику «ноль проблем», снова стала прифронтовым государством. Более того, из-за последствий сирийских боевых действий на турецкой территории примерно спустя полтора года после начала сирийской гражданской войны Турция объявила врагом соседнее государство. Парламент Турции 4 октября 2012 г. вручил правительству Эрдогана мандат, который вооруженным силам дает право на операции на территории Сирии³. НАТО заявила о своей солидарности по отношению к Турции в ходе оборонительных мер и предупредила в то же время о дальнейшем расширении и интернационализации конфликта, так как в конфликте вокруг Сирии речь идет не только о гуманитарных вопросах, а, скорее, — о геополитике.

¹ *Yılmaz M.* Die Türkei hat eine neue Rolle, Vereinigung der Bayerischen Wirtschaft // *Unternehmensmagazin*. 2012. № 3. S. 13 = Турция новая роль.

² *Friedensplan Syrien* // *SZ*. 2012. № 299. S. 8 = Мирный план Сирия.

³ *Erdogan hat Mandat für Syrien-Invasion* // *Die Presse*. 2012. 5 Oct. S. 1 = Эрдоган имеет мандат на интервенцию в Сирию.

Турция недооценила сложность сирийского кризиса. Вместо того чтобы принять на себя ограниченную роль посредника, она из-за ряда ошибочных оценок и принятия стороны «суннитского фронта» против Асада все больше втягивалась в конфликт. С этим позиция региональной державы потерпела крах, и политика «ноль проблем» оказалась в политической реальности сомнительной.

Выводы

С момента окончания восточно-западного конфликта Турция находится в поиске новой роли в Евразии и, таким образом, также новой направленности своих геополитических, геостратегических и геоэкономических интересов. Как показывает этот краткий анализ, инициированные министром иностранных дел «стратегические дебаты» являются вызовом не только для турецкой, но и международной политики безопасности. Разработанная им концепция «Стратегической глубины» — одно дело, а ее реализация на практике — другое. Ею направляющая линия внешней политики и политики безопасности Турции провозглашала максимальное сотрудничество, связанное с мирной политикой соседства, что, по сути дела, является концепцией «мягкой силы». Против этой концепции в последние годы было выдвинуто четыре критических возражения. Во-первых, сама Турция не воздала должное своей модели, так как в собственной стране нарушались права человека. Во-вторых, внешняя политика Турции более амбициозная, чем это соответствует ее средствам. В-третьих, претензия на роль региональной державы предполагает сохранение внутреннего мира и стабильность способности к внешним действиям. Последней не наблюдалось с момента возникновения беспорядков на площади Таксим летом 2013 г. и коррупционных скандалов зимой 2013–2014 гг. Кроме того, так называемая «арабская весна» привела почти к краху стратегию Давутоглу в ее ключевых позициях.

По этой причине министерство иностранных дел Турции разработало новую стратегию, суть которой Давутоглу обозначил как «максимизация влияния Турции». Эта новая стратегия «гибкой реакции» вернула турецкую политику соседства обратно к политической реальности.

Перевод с немецкого Е. А. Чувильской